

Б.Н. Путилов (Ленинград)

Фольклорист ближайшего завтра

Каким видится мне фольклорист в ближайшем завтра?

Прежде всего хотелось сказать о необходимости решительного, кардинального подъема образовательной планки и требований к подготовке фольклориста. В течение долгого времени они были крайне низкими. Наше общество, силы, которые осуществляли в этом обществе власть, в течение десятилетий вели политику "уцененного" образования: полуобразованными людьми легче управлять, как легче и господствовать в сферах науки, культуры, идеологии. Несколько поколений явились жертвами этой политики, и требовались невероятные усилия ученых, чтобы преодолевать всяческие препоны и самим образовываться должным образом.

Наши учителя, кончавшие гимназии и университеты до революции, были безукоризненно образованными людьми, учеными европейского воспитания. Для меня, например, идеал образованного фольклориста — в старом понимании — Владимир Яковлевич Пропп. Безукоризненная филологическая, историческая, философская подготовка; статью "Эдип в свете фольклора" он писал, читая Софокла в оригинале. Недавно появилась, извлеченная из архива, его работа "Врубель и фольклор" (2). В этой работе он обнаруживает глубокое понимание живописи, блестящее знание ее истории и особенное проникновение в мир Врубеля. Еще один пример — из студенческого фольклора 30-х годов. Один молодой человек спросил своего брата, который учился на философском факультете ЛГУ, кто у них самый интересный преподаватель. Брат ответил: "Самый интересный преподаватель у нас — немецкого языка. Он читает с нами Гегеля, Канта и толкует их так, как ни один наш философ толковать не может". Этим преподавателем был В.Я. Пропп: в 30-е годы его не допускали читать курс фольклора, и он в университете преподавал немецкий язык.

Так вот, я думаю, что одна из самых насущных задач образовательной политики заключается в том, чтобы вернуться к дореволюционному опыту — чтобы люди, стремящиеся стать фольклористами, получали бы гимназическое и университетское филологическое, историческое и философское образование в том объеме, в каком его получали наши учителя, только, конечно, с дополнительными знаниями всего, что в эти области привнес XX век. Мы заплатили слишком дорогую цену, пытаюсь в зрелом возрасте каждый по-своему восполнять зияющие пробелы. Ученый должен закладывать основы образования с детства, завершать его в университетские годы и затем лишь углублять и расширять свои познания.

Владимир Яковлевич Пропп всегда выражал сожаление, что он не получил полевого опыта работы, не участвовал в экспедициях и с "живым" фольклором сталкивался мало. Для абсолютного большинства современных фольклористов этой проблемы не существует, почти все они проходят и полевою практику, и ездят в экспедиции, и встречаются с носителями живой фольклорной традиции в разных обстоятельствах. Тем не менее, на мой взгляд, для современного ученого-фольклориста этого мало. Необходимо предусмотреть не просто полевою работу (которой, кстати, крайне желательно придавать характер стационара), но направленное знакомство с различными этническими традициями, отражающими разные стадии состояния фольклора и разнообразные его вариации. Советскому фольклористу просто необходимо знать непосредственно, по личному опыту, живой фольклор народов Кавказа, Средней Азии, Сибири, Молдовы, Украины, Беларуси, Прибалтики, стран Запада и Востока.

И последнее: в практику образования специалиста должны войти зарубежные стажировки и командировки. В этом смысле мы тоже обязаны учесть опыт России XIX — начала XX в. Фольклористу необходимо проводить не менее года — полутора лет в одной из стран Западной Европы, в какой-либо восточноевропейской стране, в Соединенных

Штатах Америки. Речь идет не о специализации (здесь отношения должны быть особыми), а именно о завершении профессиональной подготовки. Вместо того, чтобы три года жизни убивать на аспирантуру, пытаясь восполнить накопившиеся пробелы в обучении, молодой человек образуется в общении с живыми фольклорными традициями и с живой мировой наукой. Но, конечно, для этого нужно одно условие — чтобы основная образовательная работа была бы завершена уже в университете.

Не буду говорить здесь о таких само собой разумеющихся вещах, как овладение всей современной техникой — и той, что необходима в поле, и той, без которой современный ученый цивилизованной страны уже не мыслит своей исследовательской работы.

А теперь мне хотелось бы обратиться к собственно теоретической, методологической сфере и коснуться вопроса, который относится не только к фольклористам ближайшего завтра, но и к нашей сегодняшней науке. Я имею в виду актуальную задачу *деидеологизации науки*, высвобождения ее из-под власти догм, сложившихся внеученных стереотипов, руководящей роли партийно-государственного аппарата. Фольклористика в течение десятилетий была одной из самых заидеологизированных у нас наук. Она раньше многих других незамедлительно откликалась на очередные решения очередного съезда, пленума, на постановления в области идеологической работы, в ней конъюнктурщина и конформизм были весьма сильны. Фольклористика неизменно оказывалась вовлеченной в разного рода проработочные и разгромные кампании, в итоге которых она недосчитывалась ученых, известных своими заслугами: труды их подвергались шельмованию, они сами нередко изгонялись из институтов и университетов. К сожалению, в среде фольклористов всегда находились догматики, готовые под флагом защиты "идейности" и "чистоты" марксизма обрушиться на любую живую мысль. Безусловно, эти печальные, а иногда и трагические страницы истории нашей науки связаны с ее подчинением моноидеологии.

Негативные последствия этого подчинения были, однако, гораздо значительнее: оно сказалось на основных направлениях исследовательской, собирательской и издательской работы, на сведении сложной и многообразной проблематики, связанной с пониманием объема и границ феномена фольклора, к жесткой формуле "фольклор – устное народное поэтическое творчество", которой наука должна была придерживаться неукоснительно, на исключении из поля зрения фольклористов целых пластов культуры, на односторонних трактовках многих явлений, на искусственной и однобокой трактовке принципа "классового подхода", вульгаризации категории "идейного содержания" и т.д. Неслучайно именно с позиций моноидеологии подвергались в разное время неконструктивной, вульгаризаторской критике наиболее яркие, не укладывавшиеся в стандарты официальной методологии труды В.Я. Проппа, П.Г. Богатырева, В.М. Жирмунского, М.К. Азадовского и др., признанные ныне классикой науки. Нетерпимость моноидеологии в области науки нанесла колоссальный вред, поскольку главными объектами нападков, проработок являлись свободный научный поиск, неординарные решения, смелые гипотезы. В научной среде вырастали мастера, искусно владевшие арсеналом цитат и догматических стереотипов, с помощью которых можно было уничтожить любую талантливую работу.

Идеологизация фольклористики совершилась на рубеже 20–30-х годов, примерно в одно время с аналогичными процессами в других общественных и гуманитарных науках. Именно тогда было провозглашено: "Все идеологические и художественные требования, предъявляемые к литературе, должны быть применимы и к произведениям устной поэзии: все теоретические и методологические принципы марксистско-ленинского литературоведения обязательны и для советской фольклористики"; было высказано требование руководства фольклором в духе пролетарской идеологии (на первом совещании писателей и фольклористов 15 декабря 1933 г.) [1, 16-17]. Вовсе мы не намерены упрекать наших учителей, извлекая из прошлого разного рода колоритные цитаты. Учителя наши были одержимы желанием включить науку в общее движение страны, внедрить марксистскую методологию. Во всяком случае, своими действиями они

обеспечили фольклористике относительно благополучное существование, способствовали повышению ее общественного статуса.

После XX съезда КПСС обозначилось высвобождение фольклористики из очевидных догматических пут, постепенное преодоление ряда стереотипов, "скрытый" выход за рамки моноидеологии. Это наиболее отчетливо проявилось в развитии сравнительно-исторических и структурно-семиотических исследований фольклора. Настоящий бой догматизму был дан в области изучения героического эпоса: отечественное эпосоведение вышло на передовые рубежи мировой науки. При всем том стоит отметить, что в соответствии с утвердившейся традицией новые направления в науке должны были так или иначе прикрываться марксистской аргументацией, подыскивать соответствующие цитаты, защищаясь от нападков охранительной критики.

Пришло время во всеуслышание заявить, что наука в своих поисках, доказательствах, анализах не обязана искать непременно подтверждения правоты в трудах классиков марксизма-ленинизма или всякий раз доказывать соответствие результатов исследований истине марксистской методологии. К истине ведет много путей, и вовсе не обязательно, чтобы они были освещены теорией марксизма. Наступает время утверждения подлинного научного – теоретического и методологического – плюрализма, а вместе с этим – и восстановления в правах подлинно научных критериев и оценок, когда на первый план выйдут новизна, фактическая доказательность, перспективность исследования, нив коей мере не связываемые с проверкой на верность постулатам монотеории. Исследования ученых, считающих себя марксистами, обязаны отвечать таким же критериям: частокол ссылок уже не поможет.

Деидеологизация предполагает отказ от догматов и стереотипов, идущих впереди фактов и их анализа, контролирующих анализ и дающих ему оценку. Такой принцип меняет по существу обстановку в науке, характер дискуссий, правила критики. Спор должен опираться либо на результаты анализа тех же фактов, либо на выявление несовершенства методики. Место неприятия и отрицания должно занять сопоставление точек зрения и аргументов. В сущности говоря, нам предстоит заново овладеть искусством научного спора; боюсь, что наше поколение с этой задачей в полной мере уже не справится, и новым поколениям фольклористов придется создавать свои традиции: нам нечему их научить, кроме отрицательного примера. Терпимость, внимание к чужой (и даже чуждой) точке зрения – эти качества на протяжении десятков лету нас не культивировались. А они органически входят в признаки плюрализма.

Важнейшая сторона плюрализма – признание правомерности множества точек зрения на предмет изучения, его объем и границы. Наша наука просто обязана культивировать разнообразие подходов, поддерживая стремление ученых к расширению сложившихся представлений о фольклоре, к ломке и здесь стереотипов и догм. Это касается и жанрового состава фольклора, который пока что сужен и сведен к немногим "привилегированным" жанрам, и – несомненно – его социальной стратификации. Тезис о народности фольклора опять-таки привел к крайнему сужению исследовательского горизонта, а, с другой стороны, внес немало путаницы в научную практику, поставив во главу угла необходимость идеологических оценок и характеристик изучаемого материала. Нам стоит здраво отнестись к концепциям, согласно которым феномен фольклора сам по себе не несет определенной социальной характеристики и как явление культуры обладает способностью универсального распространения, возникает всюду, где для этого есть условия, и обретает социальную, групповую, профессиональную и иную окраску лишь в конкретной среде возникновения и обитания.

Широкое поле для плюралистических походов открывается в наши дни для собирателей и исследователей современного фольклора. В течение десятилетий имело хождение совершенно искаженное представление о нем. Пласты современного фольклора, выражавшего действительные настроения общества и отдельных его групп, были закрытой зоной, они как бы не существовали, на место их подставлялись явления либо

придуманые, искусственно вносившиеся в научный и читательский оборот, либо и вовсе отсутствовавшие в реальности, фигурировавшие лишь в представлениях фольклористов. Пересмотр самой концепции современного фольклора и восстановление реальной картины фольклор-ной культуры послеоктябрьской эпохи с ее определяющим пафосом противостояния официальной идеологии и всей сложившейся системе — важнейшая задача науки, с осуществлением которой нельзя медлить: уже ушли и продолжают уходить поколения, для которых этот фольклор был живым, который они знали.

И последнее. Один из постулатов моноидеологии заключался в жест-ком противопоставлении советской фольклористики ("марксистской") фольклористике зарубежной ("буржуазной"). Тезис о заведомом превосходстве "марксистской" фольклористики над "буржуазной" не требовал доказательств. В обязательную задачу нашей науки входили критика и "разоблачение" науки "буржуазной". Знание зарубежной науки не считалось делом нужным, у многих оно ограничивалось усвоением расхожих критических характеристик. К сожалению, такое отношение особенно культивировалось в диссертациях, кандидатских и даже докторских. Считалось вполне нормальным — без знания источника наклеить на зарубежного автора определенный ярлык. Появились специалисты по критике "буржуазной" науки. Конечно, это относится далеко не ко всем ученым. Добросовестные исследователи свободно обращались к трудам зарубежных коллег, не боялись солидаризироваться с ними и творчески следовать им. Но я имею в виду, с одной стороны, "официальную" позицию по этому вопросу, а с другой — так сказать, рядовую, массовую фольклористику.

Необходимо вполне гласно покончить с таким отношением к мировой науке. Начать можно, пожалуй, с того, что отчетливо осознать: принадлежность к моноидеологии отнюдь не означает ни заведомого успеха в исследовании, ни преимущества перед исследователями, которые этой моноидеологии не придерживаются. Разделение науки на "марксистскую"/советскую и "буржуазную" теоретически не оправданно, а практически — вредно. Есть мировая фольклористика, в которой сосуществуют, взаимодействуют, полемизируют, сменяют друг друга разные направления. Противопоставление может идти только по одной линии: наука — ненаука, наука — эрзацнаука, наука — ее имитация и вульгаризация, наука — и халтура. Наши усилия следует направить не на "разоблачение" "буржуазной" науки, а на ее внимательное изучение и освоение в ней всего ценного, интересного, свежего, полезного. Еще недавно разговор о конвергенции в области науки вызывал подозрения. Думаю, что ныне он недостаточен: нужно разрушать до основания стену, воздвигнутую в предшествующие десятилетия. Советская наука плохо знакома с рядом теорий, школ, со многими классическими трудами зарубежных фольклористов. Необходимо в ускоренных темпах наверстывать упущенное и сделать достижения зарубежной науки достоянием науки отечественной: речь опять-таки идет не об узком круге специалистов, следивших за движением мировой науки и знавших о ее результатах, а обо всей нашей науке, о студентах и аспирантах, о широких слоях читателей. Нужны переводы трудов Б. Малиновского, К. Леви-Строса, М. Элиаде, А. Ван Геннепа и многих других. Надо признать, что идеи, методы, конкретные достижения ряда выдающихся зарубежных ученых, уже ставшие классикой и даже рассматриваемые подчас на Западе как пройденный этап, в нашей науке не были должным образом освоены и творчески использованы. Это относится, например, к наследию выдающегося этнолога-фольклориста Б. Малиновского и идеям функционализма.

С другой стороны, нам надо беспокоиться о популяризации наших трудов и идей за рубежом. Будем откровенны: знание русского языка за рубежом еще не скоро достигнет такого уровня, когда можно не заботиться о переводах. Необходима система переводов, основанная на политике, не имеющей ничего общего с пропагандой, идеологическими задачами и проч.: переводы должны открыть Западу отечественную фольклористику в ее разнообразии, но, конечно же, фольклористику, отвечающую требованиям высокого качества.

Процесс деидеологизации труден. Он связан не только с отказом от прочных стереотипов, догм, установок, с пересмотром принципов, идей, программ, с освобождением мысли, с распространением плюрализма и т.д. Это процесс, отягощенный психологическими проблемами, и они заслуживают специального обсуждения. И вообще деидеологизация не может быть пущена на самотек, ее нужно осуществлять на основе коллективных дискуссий, осмысления накапливаемого опыта, размышлений. Но процесс этот не должен затянуться – уже фольклористы ближайшего завтра должны быть свободными от всего того негативного, что накопилось в нашей научной жизни за десятки лет.

Литература

1. А.Н. Первое совещание писателей и фольклористов // Фольклор: Бюллетень фольклорной секции Ин-та антропологии и этнографии АН СССР. Л., 1934.
2. Пропп В.Я. Врубель и фольклор: (Текст доклада: набросок) / Публ. Л.М. Ивлевой // Из истории русской фольклористики. Л., 1990. Вып. 3.